

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

СИНЕЛА НЕБЕСНАЯ, ЗВОНКАЯ ВЫСЬ...

ТУЧА И СТРИЖ

Когда это было? Не помню, когда...
Но помню: речная сверкала вода,
Синела небесная, звонкая высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись.
Запомнилось поле, дорога-большак...
Когда это было? Не вспомню никак.
Но я вспоминаю родные места,
Где вёртких уклеек ловил я с моста,
Где слушал я диких гусей переклик,
Глядел в осветлённый землёю сошник.
Мне помнится дух избяного жилья...
Ушедшая жизнь — неужели моя?!

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич родился в 1941 году в г. Касимове Рязанской области. Учился в средней школе. Окончил Касимовский индустриальный техникум и Литературный институт им. М. Горького в Москве. Работал в геологических экспедициях в Карелии, Эвенкии и Якутии, редактором художественной литературы издательства "Лениздат" в Санкт-Петербурге. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии журналов "Огонёк" (1977), "Молодая гвардия" (1985), "Наш современник" (2013). Победитель Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2014). Лауреат независимой литературной премии им. Бориса Корнилова (2018). Награждён медалью "Николай Рубцов" (2019). Член Союза писателей СССР с 1977 года и Союза писателей России. Почётный гражданин города Касимова. Профессор международной академии науки, литературы и искусства, Санкт-Петербургское отделение (1998).

Куда он пропал, её трепетный свет?
Когда это было? Давно или нет?
О, жизнь, я к такому пришёл рубежу,
В ушедшие годы прощально гляжу
И словно бы вижу прозрачную высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись...

КРУЖЕНИЕ ЯСТРЕБА

Дмитрию Мизгулину

Уже тропинки стали суше
В пролесках, в поле и в бору...
Всё выше, выше ястреб кружит,
Буравя в облаке дыру.
А сквозь неё сквозит, блистая,
Полоской узкой солнца луч,
Краями красными взрезая
Живой подзор летучих туч.
Они ещё не дождевые,
Они почти, как облака.
Верхи их бледно-голубые,
Багровы круглые бока.
Они ещё совсем не грозны,
Грома в них глухо не ворчат.
Они хладят прогретый воздух
И землю тенями чернят.
Когда же тучка чуть качнётся,
Рассыпав капли, как горох,
То в каждой капле отзовется
Сырой земли глубокий вздох.
Но этот вздох не от печалей,
Что землю влажную томят,
А от того, что блёкнут дали,
Озёра меркнут и рябят.
Темней, прохладней стали ночи,
И, ёжась, зябнут зеленыя.
И жизнь становится короче
У наступающего дня.
От этой мысли нет покоя,
И потому ей дорожу...
Любя всё бренное, мирское,
Я с обострённою тоскою
За хищным ястребом слежу.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Цвели в овражках медуницы,
Клубился рой зелёных мух.
И шорох вызревшей пшеницы
Улавливал мой детский слух.
Я убегал по тропке в поле.
И там, в полуденной тиши,
Я обретал не только волю,
Но и бесстрашие души.
И с той минуты заморочил
Я сам себя (Господь, прости!),
Что я могу любую ночью

Один на кладбище пойти.
Нет, местной славы я не жаждал!
Но лишь полночный ветер стих —
Я, расхрабравшись, побрёл однажды
К могилам предков дорогих.
И, положась на милость Бога,
В душе с молитвою простой,
Я шёл не торною дорогой —
Волками меченной тропой.
Ночь пахла запахом бузиным,
Чернели призрачно кресты...
Репьи цеплялись за штанины,
Сигали ящерицы в кусты.
Как цепенел я в час полночный!
Ни звёзд на небе, ни луны.
Мерцал лишь слабенький цветочек
Полузавадшей белены.
И вдруг я вздрогнул... И обратно
Хотел домой рвануть трусцой,
Но что за сила — непонятно
В сей зябкий час владела мной?!
Я ощущал, как руки стынют,
Скользит по телу холодок.
Казалось: кто-то дышит в спину,
Вздыхает... Вдох его глубок.
Я замер. Вздрогнул. Обернулся.
Гляжу... Но — нету никого.
Лишь тени чьей-то клочок метнулся...
Молчать мне было каково?
Хотелось крикнуть: “Призрак, скройся!
Ты кто: нормальный или псих?
А коль не псих — тогда откройся!”
...Шептала ночь мне: “Успокойся...
Ты мёртвых, Геночка, не бойся,
Всё зло исходит от живых...”

ОДИНОЧЕСТВО

Живу один в бревенчатом дому...
Да, я бобыль! Бобылья жизнь — прекрасна!
Влачу постылую житейскую суму,
С утра загружен бытом безобразным.
Но я не жалуясь! Мне даже по душе
Моё уединенье холостое...
Варю картошку в жестяном ковше,
В бутылочках — винишко золотое.
Винишко терпкое, зови к себе, мани!
Ты — яблочное, крепости отменной!
Ах, Боженька, за пьянство не вини,
Когда-нибудь отвыкну постепенно,
Как я отвык от женских ласк твоих,
От поцелуев — пылких и поспешных...
И даже от любви, дарённой на двоих,
Что единила нас — восторженных и грешных.
Где и когда произошёл разлом?
Мы треснули, как две прозрачных льдинки...
Спасай меня, родительский мой дом, —
Жизнь раскололась на две половинки.
Кто виноват? Ужели — я? Винюсь!

Судьба темна, как вырытая яма...
Не ждите! Я над ней — не наклонюсь!
...К избе родной всем сердушком прижмусь —
Так сердцем прижималась ко мне мама!

АВГУСТ

Стало прозрачным озёрное дно
От августовского света...
Сколько тревоги затаено
В шорохе вязовых веток!
Клонятся низко к озёрной волне,
Тронутой тинистой цвилью*.
Сушит стрекозка на валуне
Полупрозрачные крылья.
В небе дневном не кружит высоко,
Знать, не хватает силёнок.
И вылетает из-под облаков
Хитрый и злой ястребёнок.
Воздух под крыльями зыбко дрожит,
Тонко свистит, по-синичьи.
А у ржаной, пожелтевшей межи
Кречет кузнечиков кличет.
Веет овсяница тёплой пылью,
Резки ветров разговоры,
Знойный сухмень обжигает лицо...
...Замер я, как перед строгим отцом,
Перед рязанским простором.

---

* Цвиль — зеленоватая плёнка зацветшей воды.